

Демократическая мистификация

Жак Каматт

1969

Оглавление

I		4
	5.1. Общий исторический феномен	4

«Демократическая мистификация» была впервые опубликована в журнале Invariance Series I, #6 (Апрель-Июнь 1969). Она должна была послужить частью большой работы «La Revolution Communiste — theses de travail», первые главы которой были напечатаны в том выпуске. Нумерация статьи показывает ее будущее положение в планируемой работе. Публикуемый ниже текст планировался как вступительный раздел (5.1) главы о демократии. Он сопровождался разделом 5.2, состоящим из 6 «схем» — диаграм, изображающих отношения между личностями и государством. Каматт впоследствии утверждал, что эта вторая часть «была незакончена, т.к. эти схемы были сделаны Бордигой и потому нуждались в развернутых комментариях». Изначальный план «theses de travail» (Invariance Series 1 No. 5 (Январь-Март 1969)) содержал также разделы 5.3, состоящий из 16 параграфов, о демократии и пролетарском движении и 5.4 из 9 параграфов о демократии и фашизме. Но они, как и многие другие главы «La Revolution Communiste — theses de travail» так никогда и не появились.

Наступление пролетариата на цитадели капитала обладает шансом на успех только при том условии, что пролетарское революционное движение покончит с демократией раз и навсегда. Демократия является последним прибежищем для всех отречений и предательств, потому что это первейшая надежда тех, кто верит в очищение и развитие современного движения, прогнившего до основания.

I

5.1. Общий исторический феномен

«Общественная жизнь является практической по существу. Все загадки, уводящие теорию к мистицизму находят своё рациональное решение в человеческой практике и в понимании этой практики».

(Маркс, Восьмой тезис о Фейербахе)

5.1.1. В широком смысле слова, можно определить демократию как вид человеческого поведения, организацию тех, кто утратил своё изначальное органическое единство с общностью. Поэтому, она существует в течение всего периода, отделяющего примитивный коммунизм от научного.

5.1.2. Демократия зародилась в тот момент, когда появилось разделение между людьми и распределением собственности. То есть, она возникла вместе с частной собственностью, индивидами и разделением общества на классы, вместе с формированием государства. Следовательно она становится всё более чистой по мере того, как частная собственность всё более обобщается и классы проявляются в обществе всё более отчётливо.

5.1.3. Она предполагает общее благо, разделённое между всеми. Ограниченная демократия в античном обществе предполагала существование *ager publicus* и рабов, не считавшихся людьми. В современном обществе это общее благо более универсально (распространяясь на большее количество людей). Оно также более абстрактно и иллюзорно: это родина.

5.1.4. Демократия ни в коем случае не исключает власть, диктатуру, а значит государство. Напротив, государство ей нужно в качестве фундамента. Кто может гарантировать распределение, кто может регулировать отношения между индивидами, а также между ними и общим благом, если не государство?

В развитом капиталистическом обществе, государство также представляет себя в качестве хранителя перераспределения с двух разных углов: оно охраняет прибавочную стоимость от пролетариата и гарантирует распределение этой прибавочной стоимости в виде доходов, процентов, аренды и т.д., в различных капиталистических сферах.

5.1.5. Таким образом демократия подразумевает существование индивидов, классов и государства; с тем последствием, что в итоге она является способом правления, способом господства одного класса и механизмом союза и умиротворения.

Вообще, с самого начала экономические процессы (процесс экспроприации) разделили человечество, объединённое в первобытную общность. Древние общественные отношения были уничтожены. Золото стало реальной властью сменив авторитеты коммуны. Началось противостояние между людьми по материальным интересам,

способное разрушить это общество навсегда. Демократия стала средством примирения врагов, в качестве наиболее подходящей политической формы для объединения того, что было разъединено. Она стала примирением между старой коммуной и новым обществом. Мистифицирующая форма заключается во внешнем переустройстве утраченного единства. Мистификация оказалась прогрессивной.

В наши дни, на противоположном полюсе истории, экономический процесс привёл к обобществлению производства и людей. Политика, напротив, стремится к их разделению, для их поддержания в качестве простых поверхностей обмена для капитала. Коммунистическая форма становится всё более и более сильной в старом капиталистическом мире. Демократия представляется примирением между прошлым, всё ещё воздействующим на настоящее, и будущим – коммунистическим обществом. Мистификация реакционна.

5.1.6. Часто говорится, что зачатки (или даже формы, по выражению некоторых) демократии находятся у истоков жизни нашего рода, в примитивном коммунизме. Однако видеть проявление зачатков высшей формы спорадически проявляющейся в низшей форме является недоразумением. Эта «демократия» появилась в очень особенных обстоятельствах. Когда они исчерпали себя, произошёл возврат к предыдущей форме организации. Например: военная демократия в её самом начале. Избрание лидера происходило в определённое время и для особых задач. Как только они исполнялись, лидер вновь поглощался общиной. Демократия, проявлявшаяся на время поглощалась вновь. То же самое касается тех форм капитала, которые Маркс называл допотопными. Ростовщичество было архаичной формой того денежного капитала, который мог проявиться в античных обществах. Но их существование всегда было шатким, потому что общество защищалось от их разлагающего воздействия и упраздняло их. Только когда человек стал товаром, капитал смог развиваться на безопасной основе, и не мог уже быть поглощённым вновь. Демократия может появляться только с того момента, когда люди уже разъединены полностью и пуповина соединяющая их с общностью разрезана; то есть, когда появляются индивиды.

Коммунизм иногда может проявляться в этом обществе, но он всегда поглощается вновь. Он сможет реально развиваться только с того момента когда будет разрушена материальная общность.

5.1.7. Демократический феномен ясно проявляется на двух исторических этапах: во время разложения первобытной общности в Греции; и во время разложения феодального общества в Западной Европе. Не подлежит сомнению, что в течение этого второго периода феномен проявляется с большей интенсивностью, поскольку людей реально низводят до статуса индивидов и их больше не объединяют античные социальные отношения. Буржуазная революция всегда появляется как приведение масс в движение. Отсюда возникает буржуазная проблема: как объединить и зафиксировать их в новых социальных формах. Отсюда, учрежденческая мания и вспышка права в буржуазном обществе. Буржуазная революция – это социальная революция с политической душой.

Во время коммунистической революции, массы должны будут быть уже организованными капиталистическим обществом. Они не будут искать новые формы организации, но создадут новое коллективное бытие, человеческую общность. Это

ясно видно, когда класс действует во времени как историческое существо, т.е. когда он организуется в партию.

В коммунистическом движении часто говорилось, что революция не является проблемой форм организации. Для капиталистического общества, напротив, всё является организационным вопросом. Вначале своего развития, он предстаёт как поиск хороших учреждений; в конце его – как поиск наилучших структур для заключения человека в тюрьмах капитала: фашизм. В обоих своих крайних проявлениях, демократия лежит в сердце этого поиска: сначала политическая демократия, затем социал-демократия.

5.1.8. Мистификация – это не феномен, спланированный членами правящего класса, не их сознательная ложь. Если бы это было так, достаточно было бы простой адекватной пропаганды для её искоренения из человеческих умов. Фактически она действует в глубинах социальной структуры, в рамках социальных отношений:

«Социальные производственные отношения проявляются как нечто существующее вне индивидуальных человеческих существ и те особые отношения, в которые они вступают в курсе производства в обществе выказывают в себе специфические черты вещи – именно эта извращённая видимость, эта прозаично реальная, и ни в коем случае не воображаемая, мистификация характеризует все социальные формы труда, на которых покоится меновая стоимость»

(Маркс – «К критике политической экономики»)

Поэтому необходимо объяснить каким образом реальность является мистифицирующей как эта простая вначале мистификация становится всё большей и большей, достигая своего пика при капитализме.

5.1.9. Изначально, человеческая община подчинялась диктатуре природы. Ей приходилось бороться против неё, чтобы выжить. Диктатура была непосредственной и община целиком подчинялась ей.

С развитием классового общества, государство представляет себя, как представителя общности и претендует на воплощение борьбы человека против природы. Однако, если учитывать слабость развития производственных сил, диктатура природы всегда эффективна. Она косвенна и опосредована государством и особенно давит на самые непривилегированные слои. Когда государство определяет человека, оно принимает человека из господствующего класса за субстрат человека по определению. Мистификация завершена.

5.1.10. При капитализме, есть первый период когда, несмотря на захват власти буржуазией, капитал господствует лишь формально. Сохраняются многочисленные пережитки предыдущих социальных формаций, препятствующие господству капитала над всем обществом. Это эпоха политической демократии с её апологией индивидуальной свободы и свободной конкуренции. Буржуазия представляет её как средство для освобождения людей. Но это мистификация, потому что:

«При свободной конкуренции, освобождается лишь капитал, но не индивиды»

(Маркс, «Основные черты критики политической экономики»)

«Отсюда... было бы абсурдом рассматривать свободную конкуренцию как полнейшее развитие человеческой свободы и говорить, что отрицание свободной конкуренции равно отрицанию индивидуальной свободы и социального производства, основанного на индивидуальной свободе. Это просто вид свободного развития на ограниченной основе господства капитала. Следовательно, этот тип индивидуальной свободы, в то же время, является самым разительным упразднением индивидуальной свободы и полным подчинением индивидуальности социальным условиям, принимающим форму объективных сил, непреодолимых объектов – объектов, не зависящих от индивидов, связанных между собой. Выявление сущности свободной конкуренции является рациональным ответом на его прославление средними классами и предание её анафеме социалистами»

(Маркс, «Основные черты критики политической экономики»)

5.1.11.

«Демократия и парламентаризм жизненно необходимы буржуазии после её победы, одержанной посредством силы и террора, потому что буржуазия хочет править обществом, разделённым на классы»

(«Battaglia comunista» № 18, 1951 г.)

Ей потребовалось согласие для того, чтобы господствовать, потому что её господство не могло продолжаться исключительно благодаря террору. После захвата власти путём насилия и террора, пролетариату не нужна будет демократия, не потому что классы должны будут исчезнуть не сегодня — завтра, но потому что не должно будет оставаться никакой маскировки или мистификации. Диктатура потребует для предотвращения возврата вражеского класса. Причём, захват пролетариатом государства является его собственным самоотрицанием себя как класса, так же как и отрицанием других классов. Это начало объединения всего вида, формирования общности. Требовать демократии означало бы подразумевать потребность в согласии между классами, что значило бы подвергать сомнению тот факт, что коммунизм является разрешением всех антагонизмов, а значит согласием человека с самим собой.

5.1.12. С капиталом, экономическое движение больше не отделено от движения социального. Купля и продажа рабочей силы объединяются, но это ведёт к подчинению человека капиталом. Капитал устанавливается в виде материальной общности и у него нет иной политики, поскольку именно капитал организует рабство людей.

До этой исторической фазы существовало более или менее чёткое разделение между производством и распределением. Политическую демократию можно рассматривать в качестве средства для более равномерного распределения продуктов. Но когда достигнута материальная общность, производство и распределение связаны уже неразрывно. Императивы обращения воздействуют на распределение. Однако, обращение больше не является чем-то полностью внешним по отношению

к производству, но является для капитала основным моментом всех его процессов. Именно капитал определяет условия распределения.

Все люди выполняют определённые функции для капитала, от которого фундаментальным образом зависит их существование. Через исполнение ими этих функций, люди получают определённым образом распределённые продукты через посредничество зарплаты. Так мы приходим к социал-демократии. Политика доходов является средством их достижения.

5.1.13. В период формального господства капитала (политическая демократия) демократия не является формой организации, противостоящей капиталу, это механизм, используемый капиталистическим классом для достижения господства над обществом. В течение этого периода все организационные формы, вовлечённые в эту борьбу достигают одного и того же результата. Вот почему пролетариат может также на некоторое время вмешиваться и на этой территории. С другой стороны, противостояния могут также происходить внутри одного класса, например, между промышленной и финансовой буржуазией. Поэтому парламент становится ареной столкновения этих различных интересов. Пролетариат может использовать парламент в качестве платформы для обличения демократической мистификации и использовать всеобщее избирательное право в качестве средства для классовой организации.

Когда капитал достигает реального господства и устанавливается в качестве материальной общности, вопрос был разрешён: он захватил государство. Захват государства изнутри уже не стоит на повестке дня потому что он является лишь:

«формальностью, высоким вкусом народного существования, церемониалом. Элемент сословий является санкционированной, законной ложью конституционных государств, как и ложь о том, что государство – в интересах народа, или что народ является интересом государства»

(Маркс, «К критике философии права Гегеля»)

5.1.14. Демократическое государство представляет собой иллюзию контроля человека над обществом (что человек может управлять экономическим феноменом). Оно провозглашает человека суверенным. Фашистское государство является реализацией данной мистификации (в данном смысле оно может казаться её отрицанием). Человек не является суверенным. В то же время, фактически, это реально признанная форма капиталистического государства: абсолютное господство капитала. Социальное единство не может существовать в условиях разрыва между теорией и практикой. Теория говорит: суверенным является человек; практика утверждает: это капитал. Лишь постольку, поскольку последний не приходит к абсолютному господству над обществом, существует возможность неравномерного распределения. В фашистском государстве реальность подчиняет себе идею для того, чтобы сделать из неё реальную идею. В демократическом государстве идея подчиняет реальность для того, чтобы сделать из неё воображаемую реальность. Демократия рабов капитала подавляет мистификацию для того, чтобы лучше реализовать её. Демократы хотят подчеркнуть это, когда верят, что могут примирить пролетариат с капиталом.

Общество, обнаружив реальность своего угнетения (что упраздняет дуальность, диспропорцию между реальностью и мыслью), должно противопоставить ей освободительное бытие, представляющее собой человеческую общность: коммунистическую партию.

5.1.15. Большинство теоретиков девятнадцатого века были государственниками. Они думали, что социальные проблемы можно решить на уровне государства. Следовательно, они были посредниками.

Они не понимали лишь того, что пролетариат должен не только уничтожить старую государственную машину, но также заменить её другой. Многие социалисты верили, что государство можно захватить изнутри, а анархисты считали, что его можно упразднить со дня на день.

Теоретики двадцатого века являются уже корпоративщиками, потому что они думают, что все проблемы разрешимы через иную организацию производства и его гуманизацию. Это иммедиатисты. Их аргументы — косвенное доказательство теории пролетариата. Говорить, что необходимо примирить пролетариат с экономическим движением значит признавать возможность решения лишь на этой почве. Этот иммедиатизм проистекает из факта, что коммунистическое общество постоянно усиливается внутри самого капитализма. Вопрос заключается не в примирении, но в уничтожении власти капитала, его организованной силы, капиталистического государства, поддерживающего частную монополию, когда все экономические механизмы ведут к её исчезновению. Коммунистическое решение находится посередине. Сама реальность уходит от государства, необходимо подчёркивать это и, в то же время, указывать на необходимость другого, переходного состояния: диктатуры пролетариата.

5.1.16. Развитие в сторону социал-демократии было обречено с самого начала:

«Пока власть денег не является отношением между вещами и людьми, социальные отношения должны быть организованы политически и религиозно»

(Маркс)

Маркс всегда обличал обман политики и выявлял реальные отношения:

«Следовательно естественная необходимость, основные человеческие свойства, какими бы отчуждёнными они ни казались и интерес, удерживающий вместе членов гражданского общества; гражданская, а не политическая жизнь является их реальной связью»

(Маркс, «Святое семейство»)

«Именно рабство гражданского общества снаружи кажется величайшей свободой, представляясь на поверхности полным развитием индивидуальной независимости, причём индивид считает собственной свободой разнужданное движение, не связанное более общественными связями или людьми, отчуждённых элементов его жизни, таких как собственность, промышленность, религия и т.д., в то время как на самом деле это полное развитие его рабства и бесчеловечности. Закон занял место привилегии».

(Маркс, «Святое семейство»)

Вопрос демократии встаёт в иной форме в виде фальшивого противостояния между конкуренцией и монополией. Материальная община интегрирует и то, и другое. С фашизмом (= с социал-демократией), также интегрируются демократия и диктатура. Это средство для преодоления анархии.

«Анархия является законом гражданского общества, освобождённого от различных привилегий, и анархия гражданского общества является фундаментом современной общественной системы, точно так же, как общественная система в свою очередь является гарантом этой анархии. Они определяют друг друга настолько же, насколько они противостоят друг другу»

(Маркс, «Святое семейство»)

5.1.17. Теперь, когда буржуазный класс, возглавивший революцию, приведшую к развитию капитала, исчез и сменился капиталистическим классом, живущим с капитала и его процесса увеличения стоимости, а господство капитала уже было гарантировано (фашизм) и благодаря этому существует необходимость уже не в политическом согласии, т.к. оно поверхностно, но лишь в согласии экономическом (корпоратизм, доктрина о потребностях и т.д.), адептами демократии становятся средние классы. Чем больше разрастается капитализм, тем больше испаряется иллюзия о том, что с капиталом можно делиться управлением. Всё, что остаётся – это требование социал-демократии с политическими претензиями: демократическое планирование, полная занятость и т.д. Однако, созданием социальных гарантий, при одновременном поддержании полной занятости о которых оно говорит, капиталистическое общество достигает искомой социал-демократии: демократии рабов капитала.

С развитием новых средних классов, требование демократии приобретает оттенок – и только — коммунизма.

5.1.18. Изложенное выше касается Европы/Северной Америки и не относится к тем странам, в которых долгое время превалировала азиатская модель производства (Азия, Африка) или где она доминирует до сих пор (напр. Индия). В этих странах, не было производства индивидов. Частная собственность могла появляться, но она не могла стать автономной; то же самое касается индивидов. Это связано с гео-социальными условиями этих стран и объясняет неспособность капитала к развитию в них, постольку поскольку он не установил там своей общности. Если изложить это по другому, то лишь достигая этой стадии капитализм способен заменять древнюю общину и завоёвывать огромные территории. Однако, в этих странах люди не могут вести себя так, как на Западе. Политической демократии обязательно избегают. В лучшем случае, здесь может быть социал-демократия.

Вот почему в этих странах, больше всего страдающих от установления капитализма, мы встречаем двойной феномен: примирение между реальным движением и древней коммуной, а также с будущей коммуной: с коммунизмом. Отсюда трудности в объяснении этих обществ.

Иными словами, огромная часть человечества не узнает демократической мистификации, такой, как её знают на Западе. Это позитивный факт для грядущей революции.

В случае с Россией мы имеем дело с переходным феноменом. Очевидны трудности, с которыми там установился капитализм. Ему понадобилась пролетарская революция. Там также, у западной политической демократии не было основы для развития и можно отметить, что там она процветать не может. Как на современном Западе, здесь возможна социал-демократия. К несчастью, также там, контрреволюция ввела свой яд в виде пролетарской демократии и, для многих, проблема революции обретается в нереализованности демократии.

Коммунистическая революция начнётся вновь, признав эти факты и их соответствующую значимость. Пролетариат возродится как класс, а значит как партия, преодолевая сковывающие ограничения всех классовых обществ. Человеческий вид наконец-то объединится и сформирует единое бытие.

5.1.19. Все исторические формы демократии соответствовали стадиям развития, на которых производство было ограниченным. Различные революции следовавшие одна за другой были частичными революциями. Экономический прогресс не мог происходить и развиваться, без классовой эксплуатации. Мы можем отметить, что с древности революции совершали вклад в освобождение увеличивающейся части человечества. Отсюда идея о том, что мы движемся к совершенной демократии, объединяющей всех людей. В результате многие спешат вывести уравнение: социализм = демократия. Это правда, что можно утверждать, что с коммунистической революцией и диктатурой пролетариата, большая чем прежде часть человечества, войдёт в это царство идеальной демократии; и что путём распространения пролетарского условия на всё человечество, пролетариат упраздняет классы и достигает демократии («Коммунистический Манифест» утверждал, что революция является завоеванием демократии). Однако, необходимо добавить, что этот крайний переход, это обобществление, является в то же время уничтожением демократии. Потому что в то же время, человеческая масса не остаётся в установленном статусе простой суммы индивидов, равных в правах если и не на деле. Это может стать реальностью лишь на очень краткий момент времени, из-за насильного уравнивания всех. Человечество установится в качестве коллективного бытия, *Gemeinwesen*. Оно рождается вне демократического феномена и именно пролетариат, ставший партией, придаст его обществу. При переходе к будущему обществу, происходит качественная перемена, а не только количественная. Демократия — это «антимарксистское правление этого количества, неспособного, на всю вечность, стать качеством». Требовать демократии в пост-революционном обществе будет означать требовать бессилия. Вдобавок, коммунистическая революция – это уже не частичная революция. Вместе с ней, заканчивается прогрессивное освобождение и достигается освобождение радикальное. Здесь опять происходит качественный скачок.

5.1.20. Демократия основана на дуализме и является средством его преодоления. Так, она разрешает дуализм духа и материи, равный дуализму великих людей и масс, через делегирование полномочий; дуализм между гражданином и человеком, через избирательный бюллетень и всеобщее право голоса. Фактически под предлогом допуска к реальности целостного бытия, существует делегирование суверенности человека государству. Человек лишает себя своей человеческой силы.

Разделение властей требует их единства, а это всегда требует нарушения конституции. Это нарушение основано на разводе между ситуацией на деле и ситуацией в правах. Переход от одного к другому заверяется насилием.

Демократический принцип в реальности является лишь приятием данного факта: отколом от реальности, дуализмом, связанным с классовым обществом.

5.1.21. Часто некоторые противопоставляют демократию вообще, пустую концепцию, форме демократии, которая станет ключевой для человеческого освобождения. Что является установленным фактом, чья характеристика не только противоречит её общей концепции, но должна стать её отрицанием? В реальности теоретизирование о некоей особой демократии (о пролетарской демократии к примеру) всё ещё уходит от качественного скачка. На деле, или искомая демократическая форма противоречит общей концепции демократии и таким образом является чем-то ещё (зачем тогда называть её демократией?), или она сочетается с данной концепцией и здесь может быть лишь противоречие качественной природы (например, что она включает большее количество людей), и из-за этого, она не выходит за рамки концепции, даже если она толкает их назад.

Этот тезис часто проявляется в форме: пролетарская демократия – это не буржуазная демократия и тогда начинают говорить о прямой демократии для того, чтобы показать, что в то время как второй нужен раскол, дуальность (делегирующее полномочий), первая отрицает его. Будущее общество определяют таким образом как осуществление прямой демократии.

Это всего лишь негативное отрицание буржуазного общества, далеко не позитивное его отрицание. Оно всё ещё стремится определить коммунизм как форму организации, более адекватную для различных человеческих проявлений. Но коммунизм является утверждением бытия, истинного *Gemeinwesen* человека. Прямая демократия кажется средством достижения коммунизма. Но коммунизму не нужно такое посредничество. Вопрос не в том что иметь или делать, а в том чтобы быть.

Библиотека Анархизма
Антикопирайт

Жак Каматт
Демократическая мистификация
1969

Сохранено 25 июля 2012 года из revsoc.org
Перевод — Э.Т.

ru.theanarchistlibrary.org